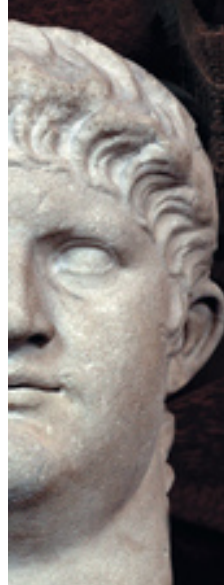

КУМИРЫ

Истории Великой
Любви

Нежная любовь
главных злодеев
истории

Кумиры. Истории великой любви

Андрей Шляхов

**Нежная любовь главных
злодеев истории**

«Автор»

2011

Шляхов А. Л.

Нежная любовь главных злодеев истории / А. Л. Шляхов — «Автор», 2011 — (Кумиры. Истории великой любви)

Кто может быть обаятельнее и привлекательнее злодея? Нерон... Чингисхан... Бонапарт, Мао Цзэдун... Только при упоминании этих имен люди цепенели и цепенеют до сих пор. А представьте, как их преступное обаяние и адская харизма действовали на женщин! Или все было наоборот? И как раз представительницы прекрасного пола так подло обошлись с нашими антигероями, что они стали абсолютным злом в глазах большей части земного шара? В любом случае их истории намного интереснее приторных сказок со счастливым концом о добродетельных героях.

Содержание

Предисловие, или От автора с любовью	5
Гай Цезарь Калигула, римский император (12–41)	6
Нерон, римский император (37–68)	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Андрей Шляхов

Нежная любовь главных злодеев истории

Предисловие, или От автора с любовью

Существует мнение, согласно которому ничто так полно и беспощадно не проявляет характер человека, как данная ему власть, тем более – власть безграничная, абсолютная.

С другой стороны, принято считать, что наиболее ярко сущность человека проявляется в любви.

А что, если пересечь эти два понятия – любовь и власть?

Героями этой книги стали тираны, они же деспоты, – люди, получившие или добившиеся огромной власти. Они жили в разное время в разных странах, но всех их объединяло одно – власть, которой они обладали.

Были ли они счастливы? Были ли счастливы те, кто находился рядом с ними? Были ли счастливы те, кем они правили?

И как вообще любовь соотносится с властью?

Что лучше?

Что важнее?

Что сильнее?

Что, в конце концов, доставляет человеку больше удовольствия – любовь или власть?

Или самое главное – это чувство абсолютной вседозволенности как в жизни, так и в любви?

Ответы на эти вопросы вы найдете в этой книге. Книге, в которой рассказывается о двенадцати исторических личностях – от римского императора Калигулы до «отца народов» Иосифа Сталина.

Древнеримский император Нерон...

Повелитель монголов Чингисхан...

Английский король Генрих VIII...

Русский царь Иван Васильевич по прозвищу Грозный...

Флорентийский герцог Алессандро Медичи... «Друг народа» Жан-Поль Марат... Император французов Наполеон Бонапарт... «Великий кормчий» Мао Цзэдун... Основатель фашизма Бенито Муссолини и глашатай фашизма Йозеф Геббельс...

У них не так много общего, но в этой книге рассказы о них собраны вместе. Приятного чтения!

Гай Цезарь Калигула, римский император (12–41)

*Так, возмущавшись древними обитателями святой земли Твоей, совершавшими ненавистные дела волхвований и нечестивые жертвоприношения, и безжалостными убийцами детей, и на жертвенных пирах пожиравшими внутренности человеческой плоти и крови в тайных собраниях, и родителями, убивавшими беспомощные души, – Ты восхотел погубить их руками отцов наших, дабы земля, драгоценнейшая всех у Тебя, приняла достойное население чад Божьих...
Кн. прем. Соломона 12:1–7*

Настоящее имя – Гай Цезарь

Характер – жестокий

Темперамент – холерический

Религия – язычник-пантеист

Отношение к власти – алчное

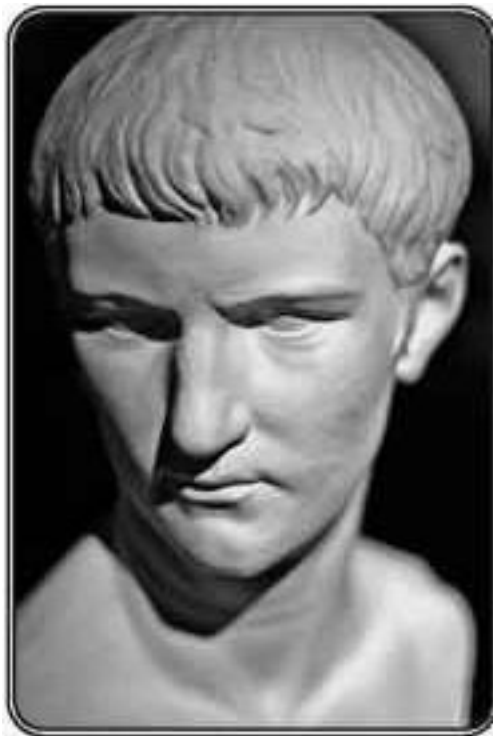
Отношение к подданным – презрительное

Отношение к любви – циничное

Отношение к лести – восторженное

Отношение к материальным благам – стяжательское

Отношение к собственной репутации – безразличное

Калигула. Мраморный бюст. I в. н. э.

Германик, отец Гая Цезаря, пользовался большим уважением в народе. Народ его любил. Любил настолько, что, когда Германик приезжал куда-нибудь или откуда-нибудь уезжал, вокруг него собирались целые толпы, растягивающиеся на много миль. Древнеримский историк Светоний писал о нем: «Всеми телесными и душевными достоинствами, как известно, Германик был наделен как никто другой: редкая красота и храбрость, замечательные способ-

ности к наукам и красноречию на обоих языках, беспримерная доброта, горячее желание и удивительное умение снискать расположение народа и заслужить его любовь... Врага он не раз одолевал врукопашную. Выступать с речами в суде он не перестал даже после триумфа. Среди памятников его учености остались даже греческие комедии. Даже и в поездках он вел себя как простой гражданин, в свободные и союзные города входил без ликторов».

Гаю Цезарю тот же Светоний давал совершенно иную характеристику: «Росту он был высокого, цветом лица очень бледен, тело грузное, шея и ноги очень худые, глаза и виски впалые, лоб широкий и хмурый, волосы на голове – редкие, с плешью на темени, а по телу – густые. Поэтому считалось смертным преступлением посмотреть на него сверху, когда он проходил мимо, или произнести ненароком слово „коза“.

Лицо свое, уже от природы дурное и отталкивающее, он старался сделать еще свирепее, перед зеркалом наводя на него пугающее и устрашающее выражение. Здоровьем он не отличался ни телесным, ни душевным. В детстве он страдал падучей; в юности хоть и был вынослив, но по временам от внезапной слабости почти не мог ни ходить, ни стоять, ни держаться, ни прийти в себя».

Усыновленный императором Тиберием, своим дядей по отцу, Германик изрядно потрундился во славу империи до тех пор, пока на тридцать четвертом году жизни не скончался. Умер он скоропостижно, неожиданно, пребывая по делам в Антиохии. Подозревали, что он был отравлен по приказу Тиберия, увидевшего в любимце народа опасного конкурента. Версия с отравлением подтверждалась синими пятнами, выступившими по всему телу Германика, и пеной на его губах.

Германик был женат на Агриппине, дочери Марка Агриппы и Юлии. У них было шестеро детей, двое из которых умерли во младенчестве. В живых остались трое девочек: Агриппина Младшая, Друзилла и Ливилла, и трое мальчиков: Нерон, Друз и Гай Цезарь. Нерона и Друза римский сенат по обвинению Тиберия объявил врагами государства и предал смерти.

Гай Цезарь родился в 12 году нашей эры. О месте его рождения сохранились противоречивые сведения.

«Стишки, ходившие вскоре после его прихода к власти, указывают, что он появился на свет в зимних лагерях: В лагере был он рожден, под отцовским оружием вырос: Это ль не знай, что ему высшая власть суждена?» – писал Светоний.

Родился ли Гай Цезарь в военном лагере или нет – вопрос спорный. Но достоверно известно, что вырос он среди воинов, одевали его как рядового солдата. Там же он получил свое прозвище Калигула, что в переводе означает «сапожок» – у суровых солдат, лишенных радостей семейной жизни, вызывал умиление маленький мальчик, обутый в уменьшенную копию настоящих солдатских сапог.

Это воспитание подарило Гаю Цезарю любовь всего римского войска. По свидетельству современников, одним своим появлением он мог успокоить разгоряченную толпу вышедших из повиновения солдат.

Калигула рос хитрым и осторожным ребенком. Смерть отца и двух братьев научила его держать свои мысли при себе и никому не доверять. Вне всякого сомнения, этот скромный на вид юноша был превосходным актером. Император Тиберий приблизил его к себе и назначил своим наследником, когда Калигуле шел девятнадцатый год. Многие из приближенных императора хитростью или силой пытались вызвать у юного Калигулы какое-либо выражение недовольства, но потерпели неудачу. Калигула вел себя так, словно не знал или напроочь забыл о судьбе отца и братьев.

Агриппина Старшая с детьми над прахом Германика. Б. Уэст. 1773 г.

Все унижения и обиды (Тиберий, отличавшийся весьма дурным нравом, часто бывал несправедлив с ним) будущий император сносил, искусно притворяясь смиренным и кротким, «...скрывая под личиною скромности огромные притязания, он настолько владел собою, что ни осуждение матери, ни гибель братьев не исторгли у него ни одного возгласа; как начал день Тиберий, тот же вид, почти те же речи были и у него. Отсюда ставшее впоследствии широко известным крылатое слово оратора Пассиена: никогда не бывало ни лучшего раба, ни худшего господина», – написал о Калигуле древнеримский историк Тацит.

Лишь двух качеств своей природы уже тогда не мог обуздать Калигула – своей жестокости и своей порочности.

«Он с жадным любопытством присутствовал при пытках и казнях истязаемых, по ночам в накладных волосах и длинном платье бродил по кабакам и притонам, с великим удовольствием плясал и пел на сцене. Тиберий это охотно допускал, надеясь этим укротить его лютый нрав. Проницательный старик видел его насквозь и не раз предсказывал, что Гай живет на погибель и себе и всем и что в нем он вскармливает ехидну для римского народа и Фаэтона (Фаэтон, сын Солнца, согласно известному мифу, сжег всю землю, не сумев совладать с солнечной колесницей. – А. Ш.) для всего земного круга», – писал Светоний.

Еще при жизни Тиберия Калигула женился. Избранницей его стала юная красавица по имени Юния Клавдилла, дочь одного из знатнейших римлян Марка Силана. Брак их был недол-

гим – Юния умерла в родах. Калигула, с женитьбой не прервавший своих порочных занятий, не горевал о ней совершенно.

Германик, отец Калигулы, был отравлен Тиберием.

Его занимала одна-единственная цель – стать наследником стареющего Тиберия, и во имя этой цели беспринципный и властолюбивый Калигула был готов принести любые жертвы. Так, например, он вступил в связь с Эннией Невией, женой знатного вельможи Макрона, командовавшего преторианцами, и даже обещал, что женится на ней, став императором, в чем дал клятву и расписку. Впрочем, Тацит утверждал, что это коварный и дальновидный Макрон приказал своей жене обольстить Калигулу, чтобы иметь на него влияние.

Командир преторианцев (или, иначе, преторианской гвардии) был в Древнем Риме весьма влиятельной фигурой. Главной опорой власти императоров со времен Августа была и оставалась армия, и прежде всего ее лучшая часть – преторианская гвардия, бывшая объектом пристального внимания и неустанных забот всех императоров. Преторианцам регулярно выплачивалось солидное жалованье, а по завершении службы выдавалось крупное «выходное» пособие из казны. Вся римская армия была профессиональной. Вступая в ее ряды, римский гражданин приносил императору присягу на верность. Лично императору, не сенату и не народу Рима. Армейская служба длилась около тридцати лет. Поначалу правом служить в преторианской гвардии обладали только римские граждане, но еще при жизни Августа это право получили и свободные жители провинций.

Сведения о смерти Тиберия несколько противоречивы. Если верить Тациту, то однажды Тиберий перестал дышать, и все решили, что он умер. Однако, когда Калигула уже принимал

поздравления в качестве нового императора, ему вдруг сообщили, что Тиберий очнулся и даже просит принести ему еды.

Поздравляющие, испугавшись мести «воскресшего» цезаря, тут же разбежались, а Калигула сильно приуныл, не ожидая для себя ничего хорошего. Положение спас Макрон, сохранивший как самообладание, так и решительность. Он приказал своим людям удушить Тиберия, набросив на него ворох одежды, – и семидесятисемилетний император умер по-настоящему.

Светоний же утверждает, что Калигула отравил Тиберия, но тот никак не мог испустить дух. Тогда Калигула приказал слуге накрыть голову императора подушкой, а сам, для верности, стиснул своими сильными руками горло Тиберия.

Слугу, державшего подушку, Калигула приказал распять на кресте сразу же после убийства – как ненужного свидетеля.

«Так он достиг власти во исполнение лучших надежд римского народа или, лучше сказать, всего рода человеческого, – писал Светоний. – Он был самым желанным правителем и для большинства провинций и войск, где многие помнили его еще младенцем, и для всей римской толпы, которая любила Германика и жалела его почти погубленный род. Поэтому, когда он выступил из Мизена, то, несмотря на то что он был в трауре и сопровождал тело Тиберия, народ по пути встречал его густыми ликующими толпами, с алтарями, с жертвами, с зажженными факелами, напутствуя его добрыми пожеланиями, называя и «светиком», и «голубчиком», и «куколкой», и «дитятком».

А когда он вступил в Рим, ему тотчас была поручена высшая и полная власть по единогласному приговору сената и ворвавшейся в курию толпы, вопреки завещанию Тиберия, который назначил ему сонаследником своего несовершеннолетнего внука».

По свидетельству современников, радость народная была столь велика, что за три месяца было принесено в жертву более чем сто шестьдесят тысяч животных.

К любви римских граждан присоединилась приязнь чужестранцев. Так, парфянский царь Артабан, на протяжении всего правления Тиберия открыто выражавший к нему ненависть и презрение, по собственному почину попросил нового императора о дружбе и даже, перейдя через Евфрат, воздал почести римским орлам, значкам легионов и изображениям императоров Рима.

Надо отметить, что расчетливый Калигула и сам делал все возможное, чтобы народ проникся к нему еще большей любовью. Убитого Тиберия похоронили торжественно, причем сам Калигула, заливаясь горькими слезами, почтил память своего предшественника проникновенной речью.

Желая подчеркнуть свою сыновнюю любовь, он, несмотря на бурную непогоду, отплыл на острова, чтобы собрать прах матери и братьев в урны, которые торжественно захоронил в мавзолее. В память о них Калигула установил ежегодные поминальные обряды, а в честь матери – вдобавок и ежегодные цирковые игры, во время которых изображение Агриппины Старшей возили по Риму на особой колеснице. Не забыл он и про отца своего, в память о нем переименовав месяц сентябрь в германик.

Вдову Германика, Агриппину встречали толпы народа. Картина Б. Уэста. 1768 г.

После мертвых настал черед живых. В сенатском постановлении Калигула назначил своей бабке Антонии поистине великие почести. Своего дядю (и преемника) Клавдия, бывшего в ту пору римским всадником (аристократическое сословие, второе после сенаторского), взял себе в качестве консула, брата Тиберия в день его совершеннолетия усыновил и дал ему почетный титул «главы юношества», а в честь сестер повелел прибавлять ко всякой клятве, приносимой его подданными: «И пусть не люблю я себя и детей моих больше, чем Гая и его сестер».

Всем преступникам и обвиняемым Калигула даровал амнистию, вернул в библиотеки некоторые запрещенные ранее сочинения, должностным лицам разрешил свободно править суд, ни о чем его не запрашивая. Он даже попытался вернуть народу выборы должностных лиц, восстановив народные собрания, но этому воспротивился сенат, и Калигула не стал настаивать на своем. В своем популизме он дошел даже до того, что освободил Италию от полупроцентного налога на продажи и возмещал убытки гражданам, пострадавшим от пожаров. Дважды Калигула устраивал всенародные раздачи денег, во время которых каждому свободному римлянину доставалось по триста сестерциев. Часто происходили раздачи подарков и угощений.

Народ ликовал пуще прежнего, а сенат посвятил молодому императору золотой щит, который ежегодно в установленный день полагалось вносить на Капитолий с песнопениями и славословиями.

Калигула был большим любителем гладиаторских битв и поединков кулачных бойцов, во время которых он тешил свою жестокость. Часто устраивал он театральные представления и цирковые состязания. Все это способствовало росту его популярности, поскольку народ Рима обожал зрелища.

«Кроме того, он выдумал зрелище новое и неслыханное дотоле, – писал Светоний. – Он перекинул мост через залив между Байями и ПUTEОЛАНСКИМ МОЛОМ, длиной почти в три тысячи шестьсот шагов. Для этого он собрал отовсюду грузовые суда, выстроил их на якорях в два ряда, насыпал на них земляной вал и выровнял по образцу Аппиевой дороги. По этому мосту он два дня подряд разъезжал взад и вперед: в первый день – на разубранном коне, в дубовом венке, с маленьким щитом, с мечом и в златотканом плаще; на следующий день – в одежде возницы, на колеснице, запряженной парой самых лучших скакунов, и перед ним ехал мальчик Дарий из парфянских заложников, а за ним отряд преторианцев и свита в повозках».

Смысла в этом зрелище для зрителей не было никакого, но римлянам оно понравилось своей новизной. Самого же Калигулу подвигло на этот шаг старое предсказание астролога Фра-

силла Тиберию, озабоченному поисками наследника, о том, что Гай Цезарь скорее на конях проскачет через Байский залив, чем будет императором.

Не забывал Калигула и о созидании – он завершил ряд построек, недоконченных Тиберием, начал строить водопровод, восстановил рухнувший от ветхости храм богов в Сиракузах, заложил несколько новых построек.

Начал он хорошо, и восхвалениям не было видно конца.

В один прекрасный день Калигула испытал то, что принято называть «головокружением от успехов», Калигула приказал воздавать себе божеские почести, посвятил своему божеству особый храм, назначил жрецов и установил жертвы в свою честь. Светоний пишет, что «жертвами были павлины, фламинго, тетерева, цесарки, фазаны, – для каждого дня своя порода».

Император решился на неслыханный шаг – повелел привезти из Греции изображения богов, включая и самого Зевса, снять с них головы и заменить своими.

Сочтя, что для укрепления своей власти он сделал достаточно, Калигула решил, что ему довольно уже притворяться и сдерживать себя. Перемена была разительной – из доброго правителя, любимого народом, он превратился в кровожадного распутника. Точнее говоря – кровожадный распутник отшвырнул прочь маску доброго правителя и явил народу Рима свое истинное лицо.

Бабку свою Антонию, многократно пытавшуюся образумить внука и для того просившую у него разговора наедине, Калигула подверг множеству унижений, тем самым (а по словам некоторых, и ядом) свел ее в могилу, а после смерти не воздал ей никаких почестей. Говорили, что, приняв старуху в присутствии Макрона, Калигула пригрозил ей: «Не забывай, что я могу сделать что угодно и с кем угодно!»

Агриппина с прахом Германика. Л. Альма-Тадема.

Своего брата Тиберия Калигула казнил, обвинив его в том, что он тайно принимает противоядие, словно опасаясь, что император прикажет его отравить. На самом деле Тиберий принимал лекарство от мучившего его постоянного кашля.

Отца своей покойной жены Калигула заставил покончить с собой. Мнимая вина несчастного состояла в том, что он некогда не отплыл вместе с зятем по беспокойному морю за прахом матери и сестер Калигулы, якобы надеясь в случае кораблекрушения самому завладеть Римом. Настоящей же причиной уклонения от участия в плавании была морская болезнь Марка Силана.

Со всеми своими сестрами Калигула пребывал в кровосмесительной любовной связи. Ходили слухи, что Друзиллу, самую любимую им сестру, Калигула лишил дев-

ственности, еще будучи подростком, и бабка Антония, у которой они вместе росли, однажды застала их во время полового акта.

Друзилла вышла замуж за Луция Кассия Лонгина, сенатора консульского звания, но Калигула, став императором, нагло попрал законы, отняв ее у мужа и открыто сожительствуя с ней.

Калигула был сильно привязан к Друзилле, без всякого сомнения такой же порочной и развратной, как и он. Однако же он, не задумавшись, отдал ее на потеху начальникам преторианских когорт, желая еще больше расположить их к себе. Нимфоманка Друзилла смогла выдержать многодневное насилие, но чудовищного унижения перенести не смогла и вскоре угасла от горя.

Когда она умерла, Калигула установил строжайший траур, во время которого карались смертью не только все виды развлечений и смех по любому поводу, но даже купания и совместные семейные обеды. Сам же Калигула отныне клялся только именем божества Друзиллы.

Прочих своих сестер Калигула любил не так страстно и сильно. Он не раз отдавал их на потеху своим любимцам, а впоследствии отправил в изгнание по обвинению в разврате (подумать только!) и в соучастии в заговоре против него.

По выражению Светония, «о браках его трудно сказать, что в них было непристойнее: заключение, расторжение или пребывание в браке».

Знатную римлянку Ливию Орестиллу, выходящую замуж за Гая Пизона, Калигула лично явился поздравить со вступлением в брак и, поддавшись порыву страсти, тут же приказал отнять ее у мужа. Спустя несколько дней Ливия ему наскучила, и он отпустил ее восвояси, но через два года вдруг отправил ее в ссылку за то, что она имела неосторожность опять сойтись с мужем.

Другую знатную даму, Лоллию Павлину, жену военачальника, он вызвал из провинции, прослышав о ее красоте. Слухи были обоснованными, поэтому Калигула своим эдиктом (указом) развел Лоллию с мужем и взял себе в жены, чтобы вскоре отпустить, запретив ей впредь допускать кого-либо до себя.

«Цезонию, не отличавшуюся ни красотой, ни молодостью и уже родившую от другого мужа трех дочерей, он любил жарче всего и дольше всего за ее сладострастие и расточительность, – писал Светоний, – зачастую он выводил ее к войскам рядом с собой, верхом, с легким щитом, в плаще и шлеме, а друзьям даже показывал ее голой. Именем супруги он удостоил ее не раньше, чем она от него родила, и в один и тот же день объявил себя ее мужем и отцом ее ребенка. Ребенка этого, Юлию Друзиллу, он пронес по храмам всех богинь и, наконец, возложил на лоно Минервы, поручив божеству растить ее и вскармливать. Лучшим доказательством того, что это дочь его плоти, он считал ее лютей нрав: уже тогда она доходила в ярости до того, что ногтями царапала игравшим с нею детям лица и глаза». Поистине лучшего доказательства кровного родства с тираном и не требовалось!

Друзей своих Калигула мог предать смерти и за мельчайшую провинность, и совсем без вины. Как говорится, было бы желание, а повод всегда найдется.

Калигула расправился даже с самим Макроном и женой его Эннией, приведшими его к власти. На Эннии Невии Калигула, вопреки своему обещанию, так и не женился, она так и осталась его любовницей. Когда же Энния надоела ему, Калигула в сопровождении палача заявился домой к Макрону, вошел в его спальню и заставил супругов заняться любовью при свидетелях. Улучив подходящий момент, палач, по знаку Калигулы, зарубил мечом Макрона, а Эннию Калигула задушил собственноручно. Самого же палача убили прибежавшие на шум преторианцы, подумав, что он посмел напасть на их обожаемого императора.

Да – армия и народ продолжали любить Калигулу, несмотря на все его выходки, и благодаря этой любви власть кровожадного императора казалась вечной и нерушимой.

Калигула имел обыкновение во время пира уводить в свои покои какую-нибудь из чужих жен, а насладившись ею сполна, возвращать мужу, сопровождая свой поступок подробнейшим рассказом о том, как именно они занимались любовью, и отмечая при этом как недостатки, так и достоинства женщины.

Подданные императора покорно сносили его выходки, опасаясь выказывать мельчайшее недовольство, чтобы не быть казненными.

«Столь же мало уважения и кротости выказывал он и к сенаторам, – свидетельствовал Светоний, – некоторых, занимавших самые высокие должности, облаченных в тоги, он заставлял бежать за своей колесницей по несколько миль, а за обедом стоять у его ложа в изголовье или в ногах, подпоясавшись полотном (*подпоясанными в Древнем Риме ходили рабы-прислужники. – А. Ш.*). Других он тайно казнил, но продолжал приглашать их, словно они были живы, и лишь через несколько дней лживо объявил, что они покончили с собой. Консулов, которые забыли издать эдикт о дне его рождения, он лишил должности, и в течение трех дней государство оставалось без высшей власти. Своего квестора, обвиненного в заговоре, он велел бичевать, сорвав с него одежду и бросив под ноги солдатам, чтобы тем было на что опираться, нанося удары.

С такой же надменностью и жестокостью относился он и к остальным сословиям. Однажды, потревоженный среди ночи шумом толпы, которая заранее спешила занять места в цирке, он всех их разогнал палками: при замешательстве было задавлено больше двадцати римских всадников, столько же замужних женщин и несчетное число прочего народу».

Стоило подорожать скоту, которым, помимо всего прочего, откармливали диких зверей для зрелищ, как Калигула распорядился использовать для этой цели вместо животных преступников, причем не гнушался лично обходить тюрьмы и выбирать будущие жертвы.

Клеймя безвинных подданных раскаленным железом, забивая их цепями и бичами, сжигая на кострах, бросая диким зверям или, к примеру, перепиливая напополам пилой, Калигула заставлял родственников несчастных присутствовать при этих чудовищных казнях. Никто из тех, на кого пали гнев или неприязнь императора, не мог рассчитывать на легкую смерть. Простого убийства Калигуле было мало, он непременно желал насладиться муками обреченных, без которых казни теряли для него весь смысл.

Калигула всегда требовал совершать казни не спеша, мелкими частыми ударами, он приговаривал при этом, обращаясь к палачу: «Бей, чтобы он чувствовал, что умирает!»

Он жил и правил по принципу, вычитанному в одной из трагедий: «Пусть ненавидят, лишь бы боялись!» Калигуле принадлежит известное выражение: «О, если бы у римского народа была только одна шея!» Эти слова он произнес во время гонок на колесницах, в которых сам принимал участие. Гнев Калигулы был вызван тем, что зрители осмелились рукоплескать одному из его конкурентов.

«Есть основания думать, что из-за помрачения ума в нем и уживались самые противоположные пороки – непомерная самоуверенность и в то же время отчаянный страх, – предполагал Светоний. – В самом деле: он, столь презиравший самих богов, при малейшем громе и молнии закрывал глаза и закутывал голову, а если гроза была посильней – вскакивал с постели и забивался под кровать. В Сицилии во время своей поездки он жестоко издевался над всеми местными святынями, но из Мессаны вдруг бежал среди ночи, устрешенный дымом и грохотом кратера Этны».

Был ли Калигула психически нормальным? Однозначно – нет. Точный диагноз за давностью лет установить невозможно, но нет сомнений в том, что он был или шизофреником, или психопатом, и в любом случае течение заболевания отягощалось безграничной властью, которой обладал Калигула.

«Лучшей похвальной чертой своего нрава считал он, по собственному выражению, невозмутимость, то есть бесстыдство», – писал Светоний.

Калигула без стеснения вслух сожалел о том, что его правление не отмечено никакими всенародными бедствиями и рискует быть бесславным из-за общественного благополучия. Он завидовал божественному Августу, правление которого запомнилось ужасным поражением военачальника Квинтилия Вара, когда германцами оказались полностью уничтожены целых три легиона вместе с полководцем, легатами и всеми вспомогательными войсками. Завидовал Калигула и Тиберию, в чье правление обвалился битком набитый людьми амфитеатр в Фиденах. Завидовал – и страстно мечтал о большом военном побоище, о лютом голоде, об эпидемии чумы, о страшных пожарах или разрушительных землетрясениях.

Смерть Германика. Картина Николая Пуссена. 1627 г.

Калигула мог и сам устроить катастрофу. Например, при освящении моста в одной из провинций он собрал на торжество великое множество народу и внезапно приказал сбросить их с берегов в море. Сам же плавал на корабле между тонущих, наслаждаясь их ужасом, и багром отталкивал прочь тех, кто пытался спастись, ухватившись за корму.

Любое святотатство было ему по силам. Так, однажды во время жертвоприношения в храме Калигула оделся помощником резника, а когда к алтарю подвели жертвенное животное, вдруг размахнулся и преспокойно убил одним ударом молота самого жреца-резника.

Зависти и злобы в Калигуле было еще больше, чем жестокости. Он приказал разбить все статуи прославленных мужей прошлого, а также запретил воздвигать живым людям статуи или скульптурные портреты без его одобрения. Разумеется, одобрения удостоивались только изображения самого императора и никого более.

Калигула мог приказать обрить красивому юноше затылок, чтобы этим его обезобразить, а мог и попросту приказать убить дерзкого, который посмел затмить красотой самого императора. Светоний писал: «Был некий Эзий Прокул, сын старшего центуриона, за огромный рост и пригожий вид прозванный Колосс-эротом (*то есть громадным, как колосс, и прекрасным, как Эрот, посланец любви.* – А. Ш.) его он во время зрелищ вдруг приказал согнать с места, вывести на арену, стравить с гладиатором легко вооруженным, потом с тяжело вооруженным, а когда тот оба раза вышел победителем, – связать, одеть в лохмотья, провести по улицам на потеху бабам и, наконец, прирезать. Поистине не было человека такого безродного и такого убогого, которого он не постарался бы обездолить».

Не чурался Калигула и мужеложства, которое в Древнем Риме, в отличие от Древней Греции, осуждалось и каралось весьма сурово – вплоть до смертной казни.

Некий Валерий Катулл, юноша из знатного Римского рода, без стеснения жаловался своим приятелям, что от неустанных любовных забав с императором-сладострастным у него болит поясница. Было у Калигулы и множество других любовников мужского пола.

Он был настолько любвеобилен, что не делал никакой разницы между мужчинами и женщинами, причем, утоляя свою страсть, непременно старался причинить жертве боль. Грубый секс был повсеместно распространен в Древнем Риме, где считалось, что победа на любовном ристалище неотделима от насилия, но Калигула оставил далеко позади всех своих современников.

Выросший среди солдат и, казалось бы, не привыкший к роскоши, Калигула, став императором, переплюнул своим непомерным расточительством самых отчаянных транжир из числа своих предшественников. Послушаем Светония, оставившего нам весьма подробные записи о жизни двенадцати римских цезарей, начиная с божественного Юлия: «Он (*Калигула*. – А. Ш.) выдумал неслыханные омовения, диковинные яства и пиры – купался в благовонных маслах, горячих и холодных, пил драгоценные жемчужины, растворенные в уксусе, сотрапезникам раздавал хлеб и закуски на чистом золоте. «Нужно жить или скромником, или цезарем!» – говорил он. Даже деньги в немалом количестве он бросал в народ с крыши Юлиевой базилики несколько дней подряд. Он построил либурнские галеры в десять рядов весел, с жемчужной кормой, с разноцветными парусами, с огромными купальнями, портиками, пиршественными покоями, даже с виноградниками и плодовыми садами всякого рода: пируя в них средь бела дня, он под музыку и пенье плавал вдоль побережья Кампании. Сооружая виллы и загородные дома, он забывал про всякий здравый смысл, стараясь лишь о том, чтобы построить то, что построить казалось невозможно. И оттого поднимались плотины в глубоком и бурном море, в кремневых утесах прорубались проходы, долины насыпями возвышались до гор, и горы, перекопанные, сравнивались с землей, – и все это с невероятной быстротой, потому что за промедление платились жизнью».

Тиберий оставил в казне два миллиарда семьсот миллионов сестерциев – гигантскую по тем временам сумму. Калигула ухитрился спустить ее меньше чем за год.

Калигула переносит прах матери и брата в семейную усыпальницу. Картина Эташа Ле Сера. 1647 г.

Оставшись без денег, молодой император принялся добывать их с присущим ему бесстыдством.

Он заставлял людей, чьи деды и прадеды купили себе и своим потомкам римское гражданство, платить заново, распространяя понятие «потомки» лишь на сыновей приобретателя. Он стремился стать сонаследником чуть ли не каждого наследства в Риме. Он без стеснения облагал подданных непомерными поборами. Он устраивал самые разнообразные торги, лично назначая и взвинчивая на них цены. Разумеется, весь доход с торгов обращался в императорскую казну. Знатным людям, желавшим отобедать вместе с императором, приходилось хорошенько раскошелиться, и вообще подданные привыкли платить Калигуле за все, буквально за каждый чих или за каждый вздох. Не брезговал император и банальным ростовщичеством, ссужая деньги под баснословные проценты и безжалостно взимая положенное (а часто и сверх того) с должников.

Обуреваемый манией стяжательства и совершенно не стыдясь притом своих запуганных до дрожи подданных, Калигула устроил роскошный и огромный бордель

(по-древнеримски – лупанар), где по его принуждению почтенные замужние матроны, а также юноши и девушки из знатных семейств предлагали себя всем желающим за деньги, прямым шедшие Калигуле.

Стоило у Калигулы родиться дочери, как он тут же принялся требовать у подданных приношений на ее воспитание и приданое.

Его страсть к золоту доходила до того, что Калигула приказывал слугам рассыпать золотые монеты по полу так, чтобы они сплошь устлали его, и принимался ходить по золоту босыми ногами или даже кататься по нему всем телом. Ему мало было благ, которые приобретались за деньги, – он стремился получать удовольствие непосредственно от контакта с золотыми монетами.

При всей жестокости и кровожадности воином, а тем более полководцем Калигула не был. За все время правления он всего лишь раз озаботился войной, да и то по чистой случайности. Однажды императору напомнили о том, что следует пополнить отряд его телохранителей-германцев, и он вдруг решил пойти войной на Германию.

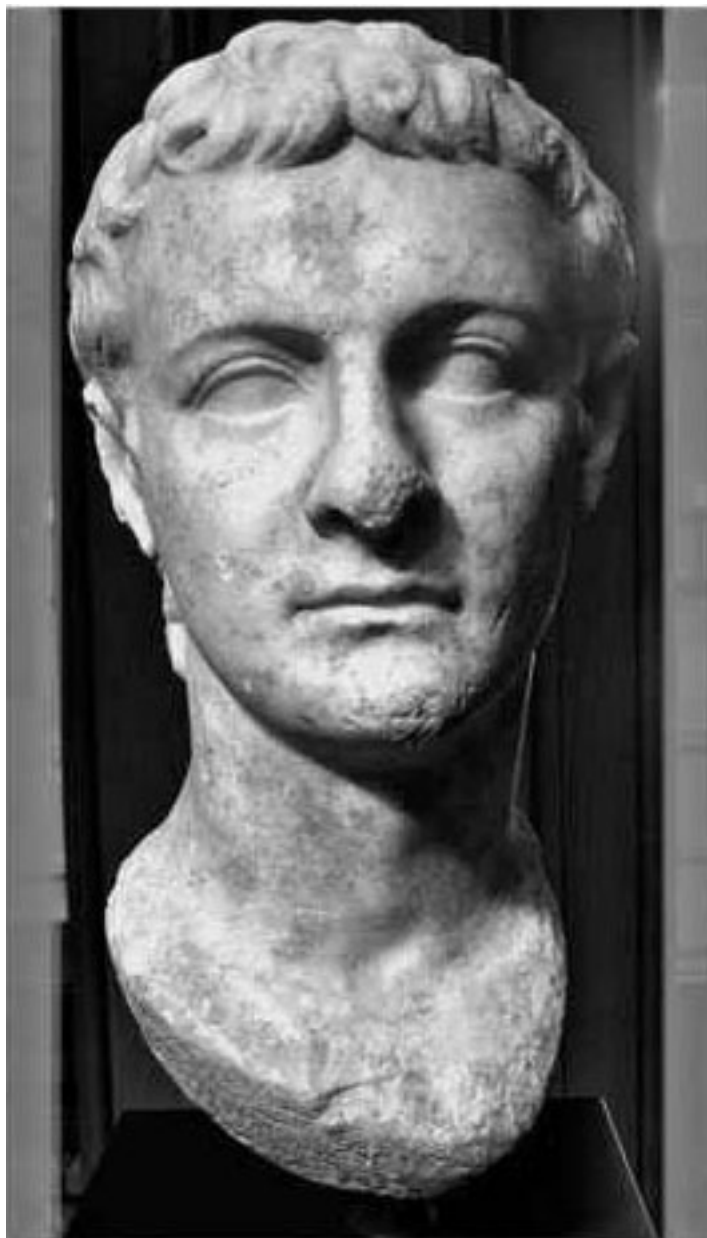
Калигула давно уже приучил римлян к тому, что все его желания, даже самые сумасбродные, следует исполнять незамедлительно и в точности. Вскоре армия была собрана и отправилась в поход, возглавляемая самим императором.

Калигула пытался играть роль мудрого и строгого полководца, но его затея потерпела провал, что, впрочем, не помешало императору вернуться в Рим с триумфом.

«А казнохранителям своим он написал, чтобы триумф они подготовили такой, какого никто не видел, но тратились бы на него как можно меньше: ведь в их распоряжении – имущество всего населения», – писал Светоний.

Множество злодеяний не могло пройти бесследно – по свидетельству современников, Калигулу мучила бессонница. По ночам он подолгу не мог уснуть, а когда сон, наконец, приходил к нему, был он весьма беспокойным и спал император не более трех часов подряд. Калигулу тревожили странные видения, порой к нему являлись призраки. Вне всякого сомнения, были среди них и те, кто пал жертвой свирепого и кровожадного императора. Наводя страх на подданных, он бродил в ожидании долгожданного рассвета по бесконечным переходам своего дворца, ища, на ком бы сорвать зло.

Императорская манера одеваться поражала римлян. Совершенно не думая о том, какое впечатление его наряд производит на окружающих, Калигула мог появиться на людях в одежде, недостойной не только императора, но и обычного мужчины. «Часто он выходил к народу в цветных, шитых жемчугом накидках, с рукавами и запястьями, иногда в шелках (*шелковые одежды в то время носили только женщины. – А. Ш.*) и женских покрывалах, обутый то в сандалии или котурны (*особые сапоги на высокой подошве, в которых выступали трагические актеры, чтобы публика лучше их видела. – А. Ш.*), то в солдатские сапоги, а то и в женские туфли; много раз он появлялся с позолоченной бородой, держа в руке молнию, или трезубец, или жезл – знаки богов, или даже в облачении Венеры. Триумфальное одеяние он носил постоянно даже до своего похода, а иногда надевал панцирь Александра Великого, добытый из его гробницы», – писал Светоний.

Калигула был превосходным оратором. При этом он презирал изящный слог и охотнее выступал перед солдатами и чернью.

Калигула был превосходным оратором – красноречивым, находчивым, не лезущим в карман за метким словом. Любящий покрасоваться, он всегда был готов выступить с речью перед любой аудиторией, находя в этом занятии особенную радость, если речь была обвинительной. Его актерские способности были выше всяческих похвал – он искусно владел своим голосом, придавая ему соответствующую моменту выразительность, и подкреплял его продуманными, отточенными жестами и мимикой, выглядевшей совершенно естественной и искренней. При всем том Калигула, больше привыкший выступать перед солдатами и чернью, нежели перед патрициями и вообще людьми образованными, презирал изящный слог и никогда не отличался мягкостью своих красочных выражений. Разумеется, успеху других ораторов Калигула страстно завидовал. Бедные, бедные ораторы... Должно быть, дорого обходилась им высочайшая зависть!

Таланты Калигулы были разносторонни и многогранны. «Гладиатор и возница, певец и плясун, он сражался боевым оружием, выступал возницей в повсюду выстроенных цирках, а

пением и пляской он так наслаждался, что даже на всенародных зрелищах не мог удержаться, чтобы не подпевать трагическому актеру и не вторить у всех на глазах движениям плясуна, одобряя их и поправляя...

Плясал он иногда даже среди ночи: однажды за полночь он вызвал во дворец трех сенаторов консульского звания, рассадил их на сцене, трепещущих в ожидании самого страшного, а потом вдруг выбежал к ним под звуки флейт и трещоток в женском покрывале и тунике до пят, проплясал танец и ушел.

Однако при всей своей ловкости плавать он не умел», – говорит Светоний.

Вне всякого сомнения, такое чудовище, как Калигула, не могло не нажить великого множества врагов. Многие из тех, кому он причинил горе, хотели отомстить ему, намереваясь тем или иным способом покончить с ним, но до определенного момента все заговоры проваливались, а заговорщики платили жизнями за свои намерения.

Наконец чаша гнева переполнилась. Нашлись два храбреца, два знатных римлянина, которых звали Кассий Херея и Корнелий Сабин. С большим основанием можно предположить, что за ними стоял чуть ли не весь сенат и почти все патриции Рима, ведь, пока Калигула находился у власти, никто, невзирая на знатность происхождения, положение в обществе, богатство и бывшие заслуги, не мог чувствовать себя в безопасности. К тому же кровавые жернова, раскрученные Калигулой, все набирали и набирали обороты, и в то, что они могут остановиться без постороннего участия, никто уже не верил...

Кассий Херея и Корнелий Сабин разработали план убийства Калигулы и сумели реализовать его. В случае неудачи заговорщики ничего не теряли – их собственные жизни и так буквально висели на волоске, потому что император уже подозревал их в злом умысле против его священной особы. Калигуле вообще были свойственны беспочвенные, или, точнее говоря, бездоказательные, безосновательные подозрения.

По плану, следовало напасть на Калигулу во время Палатинских игр (трехдневные игры, учрежденные в честь императора Августа после его смерти), ровно в полдень, когда император должен был выходить с представления.

Главную роль добровольно взял на себя Кассий Херея. Это был заслуженный и уважаемый в Риме человек почтенного возраста, занимавший высокую должность трибуна преторианской когорты. Все эти обстоятельства не мешали Калигуле беспрестанно (и весьма изощренно – император не любил повторяться, находя это унижительным) издеваться над Кассием. Излюбленной областью для высочайших насмешек было все, связанное с делами любовными. Калигула дразнил Кассия бабником, не без задней мысли назначал ему в качестве пароля слова «Приап» или «Венера», прилюдно показывал трибуну непристойные жесты... Арсенал был велик, и столь же велика была ненависть оскорбленного Кассия, вдобавок ко всему сознававшего, что рано или поздно его душевные муки наскучат императору и настанет пора мук физических, которые неизбежно закончатся смертью.

Смерть Калигулы предвещали грозные знамения.

Древние римляне обожали всяческие гадания, предсказания и знамения. Разумеется, не могло обойтись без знамений и такое грандиозное дело, как смерть тирана Калигулы. Говорили, что незадолго до его убийства статуя Юпитера, которую Калигула приказал разобрать и перевезти из Олимпии в Рим, неожиданно разразилась громоподобным раскатом хохота, испугавшим всех свидетелей чуть ли не до полусмерти. Говорили, что в Капуе молния ударила в capitoлий, а в Риме она избрала своей мишенью храм Аполлона, и толковали произошедшее как знаки, предвещающие императору опасность, исходящую от слуг его.

Астролог Сулла на вопрос Калигулы о его гороскопе якобы объявил императору, что неотвратимо близится его смерть. Факт спорный, поскольку Сулле сошло с рук подобное заявление (он пережил Калигулу на много лет), во что, зная крутой нрав Калигулы, поверить невозможно. Существует также легенда, гласящая, что оракулы Фортуны Актийской посоветовали Калигуле остерегаться происков Кассия, отчего он сразу же направил убийц к некоему Кассию Лонгину, бывшему тогда проконсулом Азии, не вспомнив о том, что ненавидимого им Херея также зовут Кассием.

Калигула же, согласно его собственному рассказу, в ночь перед гибелью видел сон, в котором он стоял на небе у подножия трона Юпитера, который ударом ноги низверг его с небес на землю. В самый день убийства Калигула якобы был забрызган кровью фламинго во время жертвоприношения, что однозначно трактовалось как дурной знак...

О самом убийстве Калигулы, состоявшемся 24 января 41 года, до нас дошло две версии. Согласно первой из них, когда Калигула беседовал с мальчиками из числа римской знати, Кассий Херея подошел к нему со спины, внезапно точным ударом меча глубоко разрубил ему затылок и вскричал: «Делай свое дело!», призывая к действию своего напарника Корнелия Сабина, тоже трибуна. Тот не оплошал – молниеносно выхватил меч из ножен и по самую рукоять всадил его в грудь тирана.

Согласно другой версии, все началось с того, что центурионы из охраны императора, посвященные в заговор, оттеснили от Калигулы толпу его спутников. Затем Кассий Херея крикнул: «Получай свое!» – и, когда Калигула обернулся на крик, рассек ему подбородок своим мечом. Император свалился наземь, извиваясь от боли и крича: «Я жив! Я жив!» – после чего остальные заговорщики добились его множеством ударов (по Светонию, около тридцати). На шум прибежали императорские телохранители-германцы, и завязалась кровавая потасовка, которая, несомненно, порадовала бы Калигулу, если бы он был жив.

После смерти императора была зарублена его жена Цезония, та самая, «не отличавшаяся ни красотой, ни молодостью», а дочь Калигулы, Юлию Друзиллу, заговорщики убили, взяв за ноги и разбив ей голову об стену.

Тело Калигулы заговорщики вначале попытались сжечь на погребальном костре, но оно не сгорело целиком и было наскоро захоронено. Впоследствии останки Калигулы вырыли, сожгли до конца и погребли должным образом его сестры – Агриппина Младшая и Ливилла, после смерти брата возвратившиеся из изгнания.

Народ Рима не сразу поверил в смерть Калигулы. Многие вначале подозревали, что император сам повелел распространить слух о собственном убийстве, чтобы узнать, как на самом деле относятся к нему его подданные.

Преемником Калигулы стал уже упоминавшийся здесь Клавдий, про которого собственная мать Антония говорила, что ее сын среди прочих людей смотрится подлинным уродом, что природа начала его и не кончила, а намереваясь уличить кого-то в отсутствии ума, говорила: «Он глупей моего Клавдия». Народу Рима снова не повезло, хотя божественный Клавдий по злодеяниям, им творимым, не шел ни в какое сравнение ни со своим предшественником Калигулой, ни со своим преемником Нероном.

Гай Цезарь, прозванный Калигулой, прожил двадцать девять лет, из которых правил всего-навсего три года, десять месяцев и восемь дней, но успел оставить о себе чудовищную память как о кровожадном и донельзя распущенном существе, недостойном имени человека.

За всю историю человечества мало кому из правителей удалось превзойти Калигулу в злодеяниях.

Говоря о его разнузданном сладострастии, нельзя употреблять высокое слово «любовь», чтобы не осквернить его. Никакой любви Калигула никогда не знал – он терзался лишь страстями, страстями изменными и порочными. Его пример убеждает в том, что высокой чести править своими собратьями далеко не всегда достаиваются лучшие из людей. И навряд ли любой рассказ, любая книга, любой фильм, где рассказывается о Калигуле, могут передать тот ужас, который испытали во время правления тирана его несчастные подданные.

Мир их праху...

Нерон, римский император (37–68)

*Чтобы меня низвергнуть в ад крошечный,
Стремится демон ангела прельстить,
Увлечь его своей красою грешной
И в дьявола соблазном превратить.
Не знаю я, следя за их борьбою,
Кто победит, но доброго не жду...*

Уильям Шекспир, «Сонеты и стихи», перевод С.Я. Маршака

Настоящее имя – Нерон Клавдий Цезарь Август Германик

Характер – вспыльчивый, коварный

Темперамент – холерический

Религия – язычник-пантеист

Отношение к власти – жадное

Отношение к подданным – презрительное

Отношение к любви – циничное

Отношение к лести – благосклонное

Отношение к материальным благам – приятное

Отношение к собственной репутации – большей частью равнодушное

Нерон. Мраморный бюст. I в. н. э.

Агриппина Младшая, мать Нерона, несмотря на свое высокое происхождение, успела смолоду хлебнуть лиха, рано оставшись без отца, павшего жертвой интриг. Когда Агриппине Младшей исполнилось четырнадцать лет, ее мать, Агриппина Старшая, по приказу императора Тиберия была арестована и сослана на остров, где уморила себя голодом.

Один из юных братьев Агриппины, обвиненный в гомосексуальной связи, покончил жизнь самоубийством, чтобы избежать позорной казни. Другой ее брат позволил себя казнить.

Сама Агриппина (как и две ее сестры) некоторое время была любовницей своего брата – императора Калигулы, человека крайне невоздержанного, обладавшего поистине диким нравом. Долгое время Калигула воздавал почести всем трем сестрам, даже помещая их изображения на монетах, но в 39 году Агриппину вместе с ее сестрой Ливией и их любовниками (одного Калигулы, щедро растрачивающего свои силы, похотливым сестрам явно недоставало) обвинили в заговоре против Калигулы. Любовников жестоко, как и полагалось тогда, казнили, а Агриппину и Ливию сослали на Понтийские острова.

Это произошло за год до смерти отца Нерона, который оставил своему трехлетнему сыну одну треть своих владений, но другой наследник, Калигула, используя свою власть, отобрал долю у ребенка и прибавил ее к своим двум третям. Нерона, оставшегося без отца, матери и состояния, взяла к себе в дом его тетка, Домиция Лепида. В доме Лепиды воспитанием мальчика занимались двое дядек, танцовщик и цирюльник. Прекрасная, надо сказать, компания!

Отец Нерона, Гней Домиций Агенобарб, внук Марка Антония и Октавии Младшей, не пользовался любовью и уважением современников. Историк Светоний характеризовал его как «человека гнуснейшего во всякую пору его жизни». Когда Агриппина Младшая родила Гнею сына Нерона, он, принимая поздравления друзей, воскликнул, что от него и Агриппины ничто не может родиться, кроме ужаса и горя для всего человечества.

Слова оказались пророческими.

Нерон рос изнеженным ребенком. Он совершенно не интересовался военным делом, не любил гладиаторских боев и никогда не мечтал о воинских подвигах. Впрочем, военному делу его и не учили. Нерона обучали музыке, живописи, стихотворчеству.

Справедливости ради надо заметить, что поэтом Нерон был посредственным. Больше всего его увлекала верховая езда.

Агриппина Младшая больше прочих страстей была одержима жадной властью. Согласно легенде, однажды она поинтересовалась у гадателей судьбой ее сына Нерона. Предсказание гласило: «Нерон будет царствовать, но убьет свою мать». Агриппина якобы ответила на это: «Ну и пусть, лишь бы царствовал!»

В обход римских законов, запрещавших близкородственные браки, Агриппина Младшая в 49 году стала женой своего дяди, императора Клавдия. Сбылась ее заветная мечта – стать императрицей.

Агриппина намеревалась как можно дольше оставаться у власти, для чего добилась от Клавдия согласия на усыновление Нерона и объявление его своим наследником в обход Британика, родного сына Клавдия. Скорее всего, Агриппина рассчитывала, что Нероном она без труда сможет управлять.

Благодаря усилению влияния и могущества своей матери, юный Нерон достиг при дворе Клавдия столь высокого и прочного положения, что якобы даже Мессалина, жена Клавдия, видя в нем сильного соперника ее общему с Клавдием сыну Британику, подслала к Нерону убийц. Им предстояло задушить юношу во время полуденного сна, но внезапно с его подушки на них набросилась ядовитая змея, и убийцы в панике убежали.

Светоний утверждал, что все это выдумка, возникшая после того, как на ложе Нерона, у самого изголовья, была найдена сброшенная змеиная кожа. Кожу эту, по поверьям, предвещавшую Нерону великую власть, его мать Агриппина повелела оправить в золото. Нерон долго носил на правом запястье это украшение.

Мать Нерона, Агриппина Младшая некоторое время была любовницей своего брата, императора Калигулы.

Нет точных данных о причастности Агриппины к отравлению Клавдия, но вполне возможно, что она приложила к этому руку, ведь сразу же после смерти Клавдия Нерон был представлен римлянам в качестве законного наследника, «...поспешили досрочно облачить Нерона в мужскую тогу, дабы создать впечатление, что он достаточно возмужал и способен заниматься государственными делами. Цезарь охотно внял настояниям раболепствующего сената, предложившего, чтобы Нерону, в возрасте неполных двадцати лет, было предоставлено консульство, а до принятия им на себя этих обязанностей он располагал проконсульской властью за пределами города Рима и именовался главой молодежи. К тому же было решено раздать от его имени денежные подарки воинам и продовольственные – простому народу. На цирковом

представлении, данном с целью привлечь к нему благосклонность толпы, он появился в одеянии триумфатора...» – писал древний историк Корнелий Тацит.

Покойный Клавдий был причислен к лику богов, а Нерон провозглашен императором под именем Нерон Клавдий Цезарь Август Германик. Так в 54 году началось его правление.

Вскоре семнадцатилетний Нерон взял себе в жены Октавию, дочь Клавдия и Мессалины. Конечно же он не собирался ограничиваться одной лишь Октавией. Светоний писал о Нероне: «Наглость, похоть, распущенность, жестокость его поначалу проявлялись постепенно и незаметно, словно юношеские увлечения, но уже тогда было ясно, что пороки эти – от природы, а не от возраста».

Нерон предавался пороку со множеством своих подданных, начиная от мальчиков и заканчивая почтенными замужними матронами. В припадке страсти он мог изнасиловать даже жрицу-весталку.

Страсть свою Нерон удовлетворял весьма изобретательно, поражая распущенностью своих далеких от пуританства соотечественников.

Тот же Светоний рассказывал об одной из любовных забав императора Нерона: «... в звериной шкуре выскакивал он из клетки, набрасывался на привязанных к столбам голых мужчин и женщин и, насытив дикую похоть, отдавался вольноотпущеннику Дорифору (*по другим данным, Дорифора звали Пифагором и он был одним из министров Нерона. – А. Ш.*): за этого Дорифора он вышел замуж, как за него – Спор (*убив свою жену Поппею, Нерон приказал оскотить похожее на нее мальчика Спора, обрядил его в женские одежды, назвал Поппеей и официально женился на нем. – А. Ш.*), и жил с ним, как с женой, крича и вопя, как насилуемая девушка. От некоторых я слышал, будто он твердо был убежден, что нет на свете человека целомудренного и хоть в чем-нибудь чистого и что люди лишь таят и ловко скрывают свои пороки: поэтому тому, кто признавался ему в разврате, он прощал и остальные грехи».

Несмотря на разгульную жизнь, Октавия вскоре надоела Нерону. Он поспешил найти ей замену – белокурую красавицу Поппею, по материнской линии приходившуюся внучкой знаменитому консулу и триумфатору Сабину. Мать Поппеи некогда считалась первой красавицей Рима, и все утверждали, что своей поистине неопикуемой красотой дочь пошла в нее.

Нерон рос изнеженным ребенком. Его совершенно не интересовало военное дело, он любил музыку и стихосложение.

Как было принято среди римской аристократии того времени, Пoppея была распутницей. Тацит писал, что она не делала никакого различия между своими мужьями и многочисленными любовниками, не зная, что такое верность в любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.